

Амерхан Межитов

**Тайны Ногая, хана
Кыпчакского ханства**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.6
ББК 84
М43

Межитов А. З.

Тайны Ногая, хана Кыпчакского ханства / А. З. Межитов —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2019. — 142 с.

ISBN 978-5-5321-0301-6

Читателю впервые предлагаются ранее неизвестные сведения о жизни и деятельности известного золотоордынского темника Ногая. Многие события в истории России XIII века изложены в оригинальном авторском видении. Ломаются сложившиеся стереотипы во взглядах на российскую и мировую историю Средневековья. Автор предлагает по-новому взглянуть на трактовку феномена «монгольское иго», переосмыслить вопрос, является ли хан Батый основателем российского централизованного государства, и порассуждать о многих проблемах того периода на основании как уже известных исторических данных, так и открытий, совершённых учёными в наше время.

ISBN 978-5-5321-0301-6

© Межитов А. З., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2019

Предисловие

Изучая историю XIII века Руси или стран Евразийского континента, невозможно игнорировать жизнедеятельность известного золотоордынского беклярбека Ногая. Его деятельность охватывала множество стран и касалась широкого круга событий. Практически всюду он играл ведущую роль. Поэтому Ногай не был обделён вниманием как средневековых авторов, так и последующих поколений, включая современников. О нём довольно много писали русские историки, авторы из Польши, Венгрии, исследователи из восточных стран, Византии и др. Причём сведения о Ногае порой изобилуют весьма интересными подробностями, так что для воссоздания подлинной его биографии, казалось бы, не должно быть проблем.

Однако, проанализировав большинство серьёзных источников, содержащих сведения о Ногае, мы столкнулись с множеством нестыковок. В ходе исследования нами обнаружилась масса противоречивых фактов, искажающих не только жизнедеятельность Ногая как личности, но и оценки тех или иных исторических событий, связанных с участием Ногая.

Встречаются работы, в которых авторы позволяют себе достаточно вольные толкования мотивов поведения Ногая, не учитывая исторических условий, в которых действовал Ногай, зачастую противореча общей логике исторических событий. Обращает на себя внимание и тот нюанс, что подавляющее число авторов с удивительным единодушием стараются без оснований демонизировать личность Ногая и выставить его как властолюбивого, жестокого деспота. Нередки случаи, когда ему приписывают несвойственные ему черты характера, которые не укладываются в систему его ценностей, основанных на его мировосприятии.

Он обладал огромной властью, влияние его распространялось на многие государства и их главы. Такая могучая сила не могла прийти к нему просто так. С раннего возраста он проделал неимоверно тяжёлую работу над собой, победил в себе страсти, подчинив их служению своему народу. Его многогранная личность вобрала в себя

лучшие качества его племени, его предков. Своим благородством он возвышал достоинства рода, к которому принадлежал.

В настоящей работе нам удалось проследить с раннего возраста путь восхождения Ногая к самой вершине власти. Этот путь был нелегок, тернист. Преодолевая преграды на своём пути, наш герой становился крепче, мудрее, сильнее. В конечном итоге он, Ногай, сформировался как выдающийся военачальник и духовный лидер. Он развил в себе прекрасные человеческие качества семьянина, любящего отца и надёжного мужа.

Наши наблюдения позволяют сделать вывод, что деятельность Ногая в течение нескольких столетий рассматривается многими авторами в рамках сложившегося много веков назад стереотипа. Практически отсутствует серьёзное критическое осмысление личности Ногая в мировой истории. Тенденциозность оценок личности этого средневекового государственного деятеля не только не ослабевает со временем, а наоборот, краски всё более сгущаются.

Исходя из этого, мы были вынуждены отойти от строго научной формы изложения и прибегнуть к публицистической манере. Историко-публицистический жанр позволяет нам презентовать настоящее исследование не как строго научную работу и позиционировать себя не в качестве кого-то, владеющего истиной в последней инстанции. Мы оставляем себя открытыми для серьёзной, обоснованной критики, чтобы впоследствии можно было развить данное исследование и обогатиться новыми сведениями, если таковые появятся.

Вместе с тем мы старались не отходить столь сильно от науки и в основном придерживались научно-популярного стиля. Это связано прежде всего с избранным нами методом исторического моделирования – именно данный метод позволяет нам держать свои гипотетические версии в рамках допустимой строгости. Чтобы не расширять пространство для полемики, некоторые термины в освещении истории Кыпчакского ханства приходилось оставлять без изменения.

Например, сегодня практически всеобщим достоянием стали сведения о том, что империя Чингисхана не имеет отношения к монголам, в связи с чем называть завоевание Кыпчакского ханства вместе с Русью «монгольским завоеванием» – недоразумение. Выяснение

такого рода недоразумений отвлекло бы нас и могло увести далеко в сторону. Поскольку в исторической науке и массовой литературе по-прежнему продолжают называть завоевателей монголами, то во избежание путаницы мы сохранили в тексте такое название. Население Кыпчакского ханства – как до нашествия Батыея, так и после – оставалось неизменным. Существуют весьма любопытные исследования по этой теме.

Российские учёные геногеографы Е. В. Балановская и О. П. Балановский в 2009 году исследовали генофонд литовских татар. Они сформировались как субэтнос из военного сословия политических образований XV века – Большой Ногайской Орды, Малой Ногайской Орды и Крымского ханства, являющихся осколками Улуса Джучи XIII–XIV веков. Обособились в Великом княжестве Литовском в начале XVI века. Рассмотрены в научной лаборатории четыре массива данных: гаплогруппы Y-хромосомы дворянских родов, гаплогруппы Y-хромосомы и мтДНК научных выборок, а также широкогеномные данные по однонуклеотидному полиморфизму. Наличие генетических монголов по мужской линии в предках литовских татар исключается. Учёные считают, что по феномену «Монгольское завоевание XIII века» нанесён серьёзный удар.

Если проследить за ходом мыслей вышеупомянутых учёных, то, судя по результатам их исследований, они пришли к однозначному заключению. Генетический портрет литовских татар характеризует этнические корни военного сословия политических образований XV века – Большой Ногайской Орды, Малой Ногайской Орды и Крымского ханства, являющихся осколками Улуса Джучи XIII–XIV века. Наличие генетических монголов по мужской линии среди предков литовских татар исключается. Это однозначно свидетельствует о том, что монголы не принимали участия в формировании военного сословия «степных» политических образований. В соответствии с феноменом «монгольские завоевания XIII века», предки караногайцев, кубанских ногайцев и крымских татар являлись «титольной нацией» Улуса Джучи и постордынских формирований XV – начала XVII века: Большой Ногайской Орды (среднее и нижнее течение Урала, Эмба, Орь, Иргиз, Самара, Большой и Малый Узени, в отдель-

ные периоды – и правобережье Волги), Малой Ногайской Орды (степи между Каспием и Азовским морем) и Крымского ханства (Крым и Северо-Западное Причерноморье).

Опираясь на исследования учёных-генеографов, можно понять непримиримый характер борьбы между потомками Котена-батыра и чингизидов. Различные исследования показывают, что чингизиды принадлежали к тюркоязычному роду, исповедовали тенгрианство, что позволяло им находить себе опору внутри кыпчакского общества. Чингисхан, создав в Азии свою империю, получившую в литературе название «монгольская», стал расширять свои владения, завоёвывая всё новые и новые государства. Батыю удаётся захватить власть в Кыпчакском ханстве и создать династию потомков Джучи. Но костью в горле им становятся кыпчакские и русские патриоты.

Это работа адресована массовому читателю, и для облегчения восприятия текста при чтении я сознательно не стал загромождать её сносками. Авторы и наименования источников соответствующим образом упоминаются в самом тексте.

Надеюсь, внимательный читатель сумеет разобраться во всех перипетиях истории XIII века, изложенной на страницах книги «Тайны Ногая – хана Кыпчакского ханства».

Дешт-и-Кыпчак, или Кыпчакское ханство

Время и обстоятельства, в которых появился термин «Дешт-и-Кыпчак», который мы заменили на «Кыпчак эл», или «Кыпчакское ханство», в исторической литературе всегда толковались неоднозначно. Некоторые авторы считают, что изначально этот термин появился в персидской историографии в XIII веке. Однако академик В. В. Бартольд, известный своей щепетильностью, в работе с первоисточниками оспаривал правомерность такой точки зрения, ссылаясь на более достоверные сведения. Термин «Дешт-и-Кыпчак» («Кыпчакская степь»), по его утверждению, вместо прежнего термина «Гузская степь» встречается уже у автора XI века, персидского поэта Насир-и-Хусрау. Отсюда, по мнению академика, следует, что данный термин закрепился в тот исторический период, когда миграционный процесс кыпчаков достиг своего апогея, то есть когда они, вытесняя огузов в южном и западном направлениях – в Поволжье и в южнорусские степи, – успешно сменили печенегов. По мере возвышения и усиления влияния кыпчаков, что означало их господствующую роль в политической жизни Восточной Европы и Средней Азии, под Дешт-и-Кыпчаком стали вполне обоснованно подразумевать степи от Иртыша до Дуная как территорию кыпчаков.

Данные о кыпчаках и о земле кыпчакской имеются в русских летописях, в сочинениях европейских путешественников, в записках восточных авторов. Как утверждают специалисты, наибольшее распространение термин «Дешт-и-Кыпчак» получает в персидских письменных источниках, особенно в XIII–XIV вв., в результате вытеснения арабского языка персидским.

В собранных источниках В. Г. Тизенгаузена топоним «Дешт-и-Кыпчак» (обобщённо – «Царство кыпчакское», а мы бы добавили – «Кыпчакское ханство») встречается довольно часто. При внимательном прочтении обращает на себя внимание то, что в более ранних персидских хрониках периода завоеваний Чингисхана термин

«Дешт-и-Кыпчак» упоминается в значении главного этногеографического региона Улуса Джучи наряду с другими областями этого средневекового государства. Постепенно привычный географический термин «Дешт-и-Кыпчак» начинает употребляться отдельными персидскими историками с некоторым смысловым оттенком, придающим ему название государства.

Надо сказать, что данное обстоятельство впоследствии приобрело черты своеобразной историографической традиции, сыгравшей свою роль в исторических исследованиях. Однако в современной историографии термин «Дешт-и-Кыпчак» долгое время употреблялся больше как название географической местности, а не как название государства.

В географическом смысле под Дешт-и-Кыпчаком подразумевают исторический регион Евразии, представлявший собой Великую Степь, которая простиралась от устья Дуная до низовий Сырдарьи и озера Балхаш. В древнерусских источниках данный регион также называют Половецкой степью, которую населяли народы кыпчакской группы.

Дешт-и-Кыпчак – историческая территория, которая ныне разделена между тремя государствами: Россией, Украиной и Казахстаном.

Официальная историография утверждает, что в домонгольскую эпоху (имеется в виду нашествие Батые) население Дешт-и-Кыпчака не представляло собой единой этнополитической общности, различаясь как по общественно-политической организации, так и по способам хозяйствования.

История страны кыпчаков до сих пор остаётся почти неизвестной современным историкам не только из-за недостатка источников. В течение долгого времени кыпчаки просто игнорировались исторической наукой. Правда, в последнее время информация накапливается, хотя с интерпретацией этих материалов дело обстоит далеко не просто. Слишком много существует противоречивых толкований, порой взаимоисключающих.

По мнению академика В. В. Трепавлова, в последние годы стали вызревать некоторые положения, которые, возможно, позволят по-новому взглянуть на историю Евразийских степей первых полу-

тора тысячелетий нашей эры. При всей справедливости суждений историка В. Трепавлова, что персидское книжное понятие «Дешт-и-Кыпчак», «появившись в рамках мусульманской географической традиции и заменив прежние "Мафазаталь-гуз" и "Дашт-и-Хазар", обозначало один из регионов шестого "климата"», мы не можем согласиться с его утверждением, что оно не может служить наименованием какой-либо общности племён и народов. Безусловно, для иноземных наблюдателей все обитатели степной страны, как правило, выступали в качестве кыпчаков (или куманов). Этот этникон, как недвусмысленно утверждает В. Трепавлов, охватывал массу родоплеменных объединений, различных по происхождению. И, тем не менее, наименование «кыпчак» этим объединениям дали последние в силу своего доминирования. Можно сказать, что довольно значительная часть племён пользовалась словом «кыпчак» как самоназванием. Поэтому по поводу главенствующей роли значительной кыпчакской части можно не сомневаться, поскольку существует огромное количество свидетельств о явной многочисленности кыпчаков на данной территории в течение довольно длительного исторического периода.

Между тем мы имеем все основания говорить об обширном государстве кыпчаков, которое они создавали с XI века, придя с берегов Иртыша и заняв территорию современного Казахстана и Южнорусских степей. В X веке они занимали территорию нынешнего Северо-Западного Казахстана, гранича на востоке с кимаками, на юге – с огузами, а на западе – с хазарами. Вследствие демографического взрыва, главной причиной которого явилось перенаселение степей, кыпчаки вынуждены были в поисках новых земель и пастбищ для скота сдвинуться с насиженных мест. В результате кыпчаки вновь столкнулись с печенегами.

К этому времени противостояние печенегов с Византией достигло такого уровня, когда, не справившись с непрерывным натиском печенегов, византийский император обратился за помощью к кыпчакам. Один из прагматичных кыпчакских солтанов решил поддержать византийцев с целью расправиться с давним

соперником в степи. В результате кыпчаки, разгромив печенегов, заняли территорию от западных отрогов Тянь-Шаня до Дуная.

Части разгромленных печенегов вместе с тюркоязычными аланами или асами Северного Кавказа, болгарами и торками образовали политический союз с кыпчаками. Такое полиэтничное образование стало основой, ядром будущего кыпчакского государства, где кыпчаки играли организующую политическую роль при формировании новой политической общности. Именно поэтому к кыпчакскому периоду мы не только относим IX–XIII вв., но и включаем весь XIV век и время расцвета Золотой Орды, что даёт нам право уверенно пользоваться историческими источниками так называемого «золотоордынского» периода.

В основном это наблюдения арабских и персидских историков и путешественников. Однако сообщаемые ими географические данные можно без натяжки отнести и к XIII веку, поскольку размеры государства и основные его составляющие до второй половины XIV века существенных изменений не претерпели. Это подтверждается также сообщениями Плано Карпини. Правда, в своих попытках суммарно очертить территорию Золотой Орды ему не удаётся окончательно воссоздать целостную картину земель государства. Но здесь нас привлекают детали другого плана. В его стремлении определить суммарный список народов, который он приводит, обнаруживается интересный факт. В разное время обитавшие на обширных пространствах Европы и Азии и подвластные золотоордынским ханам, по свидетельству Карпини, оказываются, тем не менее, кыпчаки. Он упоминает лишь «страну команов» (так называли на Западе страну кыпчаков) с четырьмя реками: Днепром, Доном, Волгой и Яиком. Как известно с половецкого времени, эти реки к тому периоду уже несколько столетий считались кыпчакскими.

Это было, несомненно, вполне оформившееся государство с конкретными границами и обитателями. По свидетельству Гильома Рубрука, в самый начальный период Золотой Орды западные границы простирались «от устья Танаида (Дона) к западу, до Дуная», где всё принадлежало золотоордынцам, а также «за Дунаем, в направлении к Константинополю».